

Россия в глобальной политике

Удивительная Молдова

№5 сентябрь-октябрь 2007

Внимание ученых-естественников особенно привлекают растения либо животные, которые сочетают признаки, нигде больше не встречающиеся вместе. Случись, например, палеонтологам открыть полудинозавра-полуптицу, на биологическую эволюцию пришлось бы взглянуть по-новому...

В политологии же все по-другому. Внимание экспертов прежде всего привлекают страны, играющие большую роль на мировой арене, а не те, что обладают редкими или даже уникальными свойствами. В противном случае работ о Молдове было бы, наверно, больше, чем о любой другой посткоммунистической либо постсоветской стране. Ибо Республика Молдова как раз и есть «полудинозавр-полуптица».

ДВА В ОДНОМ

Все государства, возникшие в результате крушения Советского Союза, объединяет то, что они провозгласили своей целью построение демократии. Тем не менее их развитие пошло по двум различным направлениям.

Одни добились возникновения действительно демократических обществ, функционирование и развитие которых подчинено общей для всех систем этого типа логике. Скажем, Эстония, Чехия и Италия – представители одного и того же «вида», хотя их политические системы и национальные особенности существенно разнятся.

Другие страны, которые не обладали достаточными культурными традициями для построения реального народовластия, но не имели и идеологических альтернатив демократическому устройству, пошли по пути создания «управляемых», или «имитационных», демократий. По сути, они восстанавливали советский авторитаризм, но только в смягченной и «закамуфлированной» форме.

Это второй «вид», которому свойственна иная логика. К нему принадлежат большинство постсоветских и множество стран за пределами посткоммунистического мира, в частности такие разные государства, как Азербайджан, Белоруссия и Тунис. «Слабо управляемые демократии» – например, Армения Роберта Кочаряна, или Грузия времен Эдуарда Шеварднадзе, или Украина эпохи Леонида Кучмы – тоже относятся скорее к этой категории.

Молдова же не принадлежит ни к одному из этих двух видов, зато она сочетает в себе черты каждого, причем в их наиболее яркой, законченной форме.

НИЧЕГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО?

Поскольку любая революция означает бурную активность и завышенные ожидания, после нее неизбежно наступают усталость, разочарование и ностальгия по дореволюционному времени, то есть реакция. Через такие периоды так или иначе прошли все посткоммунистические страны.

В государствах с реальной демократией реакция в основном принимала форму электорального поражения радикалов – вождей революции и прихода к власти «умеренных» партий либеральной номенклатуры, отринувшей коммунистическую идеологию (наиболее яркие примеры – приход к власти Александра Квасьневского в Польше и Альгирдаса Бразаускаса в Литве). Такая первая ротация власти как раз и приводит к утверждению демократической системы, в которой при постоянных «правилах игры» победителями оказываются разные игроки.

В странах «управляемых», или «имитационных» демократий реакция принимает иную форму и имеет другие последствия. Она перерастает не в ротацию, а, наоборот, в закрепление власти, причем последняя приобретает все более «советские» черты. По этому пути пошла наша страна, эволюционировав из ельцинской России в путинскую Россию, а также Казахстан, Узбекистан, лукашенковская Белоруссия. Но никогда и нигде, кроме Молдовы, реакция не выливалась в возвращение к власти идейных коммунистов. Молдова – единственная посткоммунистическая страна, в которой реакция на антикоммунистические и национальные революции 1989–1991 годов приняла крайнюю и логически завершенную форму: к власти вернулась Коммунистическая партия.

Молдавская национальная революция, возглавляемая радикалами из Народного фронта, имела особо тяжелые последствия. Страна оказалась не только в ситуации экономического краха, но и на грани межэтнической войны, от нее фактически отделилась наиболее промышленно развитая «русскоязычная» часть – Приднестровье.

Соответственно первые признаки реакции обозначились довольно рано: еще в конце советской эпохи. Тогда конфликт между относительно умеренным президентом Мирчи Снегуром – партработником, ставшим национал-демократом, и премьером Мирчи Друксом – «полудиссидентом» и «разночинцем» закончился победой первого, и парламент отправил в отставку «революционное» правительство Друкса (май 1991 г.).

Следующий этап реакции – поражение на выборах-1996 Снегура, слишком тесно связанного с революционной эпохой, и избрание президентом республики бывшего первого секретаря ЦК КП Молдавии Петру Лучински. И, наконец, на выборах-2000 триумфально побеждает возрожденная Партия коммунистов Молдовы, получившая 71 из 101 парламентского места, а президентом становится ее лидер Владимир Воронин. На следующих выборах (2004) коммунисты получают меньше голосов и мест, но сохраняют большинство, и Воронин остается у руля страны.

Иногда приходится слышать: молдавские коммунисты – какие-то «ненастоящие, неправильные». Дескать, ничего коммунистического кроме названия, у них нет. Это совершенно не так.

Молдавские коммунисты в 2000 году – «нормальные» постсоветские коммунисты, практически ничем не отличающиеся от российских. Подобно нашим «ленинцам», они не представляют номенклатуру, которая в Молдове, как и в России, в подавляющем большинстве стала «демократической» и «рыночной». Это – партия бедных или, скорее, пожилых и необразованных людей, проигравших в ходе рыночных реформ и не способных приспособиться к новой жизни. Партия социального протеста, ностальгии по «солнечной Молдавии» советских времен, где все народы жили в дружбе, прожиточный минимум был гарантирован, а по телевизору не показывали ни эротики, ни фильмов про гангстеров. Партия, проклиная и горбачёвскую перестройку, и «демократов» с их «западными кукловодами».

Она позиционирует себя как организация честных и верных, не предавших СССР и коммунистическую идеологию. Воронин возлагает цветы к памятнику Ленина, говорит о том, что «классовую борьбу никто не отменял», определяет нынешний этап как «временное поражение социализма». Придя к власти, он предрекал: будет трудно, но мы продержимся, «как держится Куба среди империалистических хищников».

Сейчас Воронин стремится к интеграции в Европейский союз, ставшей в Молдове чем-то вроде «общенациональной идеи», а в рыночных реформах ориентируется на Эстонию (продолжая приносить цветы к памятнику Ленина). Но это не потому, что он и его однопартийцы изначально были «неправильными» коммунистами. Он ведет себя так по той причине, что идеология и политика «нормальных» молдавских коммунистов трансформировалась под влиянием ситуации, абсолютно «ненормальной» для постсоветских коммунистов.

НЕМЫСЛИМОЕ СОЧЕТАНИЕ

С институциональной точки зрения Молдова тоже уникальное государство, причем если не на всем постсоветском и посткоммунистическом пространстве, то на той его части, которая входит в Содружество Независимых Государств.

По оценкам международной правозащитной организации Freedom House, с которыми я вполне согласен, эта республика – самое демократическое государство СНГ, если не учитывать страны, получившие относительно высокие оценки после «цветных» революций (Украина и Грузия). Она – единственная в Содружестве страна, в которой прошли уже две конституционные ротации власти, не сопровождавшиеся революционными потрясениями, и которая совершила переход от президентской к парламентской республике. Молдова последовательно осуществляет «европеизацию» своих институтов.

Институциональное развитие Молдовы не вписывалось в характерную для всего СНГ модель: страна постепенно преодолевала общие для постсоветского пространства авторитарные тенденции. Молдавские президенты стремились максимально усилить и закрепить свою власть, с завистью поглядывая на коллег в других постсоветских странах. Но у них ничего не получалось. Попытка Снегура расширить свои полномочия и ограничить власть парламента закончилась провалом. Во главе государства стал Лучинский.

Еще будучи спикером парламента и основным соперником Снегура, Лучинский сурово осуждал «авторитаризм» своего оппонента. Но смена интересов диктует изменение идеологии: новый президент превратился в решительного сторонника сильной президентской власти и сделал значительно более серьезную, чем снегуровская, попытку направить развитие страны в «нормальное», то есть общее для Содружества, русло. Хотя парламентские партии, естественно, всячески препятствовали его усилиям, он пользовался достаточной поддержкой населения, которое, как и все народы в других государствах – участниках СНГ, выступало за сильную президентскую власть, видя в ней залог вождельного «порядка».

«Консультативный» референдум по вопросу введения президентского правления, проведенный 23 мая 1999 года, принес Лучинскому большинство голосов. Победы, однако, не случилось: помешало решение Конституционного суда, по которому референдумы прямого действия могут проводиться только с согласия парламента. А в 2000-м парламента, приняв соответствующую поправку к Конституции, заменил общенародные президентские выборы парламентарскими.

Тогда многие в Молдове боялись (а многие надеялись), что Лучинский прибегнет к силовому варианту по образцу России-1993. (Раньше такие же страхи и надежды питали относительно Снегура.) Но Лучинский признал свое поражение.

Хотя коммунисты в то время представляли собой уже значительную политическую силу, никто не мог и предположить, что переход к парламентарской республике откроет им путь к власти. Казалось, что «этого не может быть, потому что не может быть никогда».

Однако парламента не смог избрать президента (ни один кандидат не набрал необходимых двух третей голосов) и был распущен Лучинским. Конституционный суд постановил, что президент имеет на это право и должен выполнять обязанности до избрания следующего руководителя страны. Новые же выборы (2001) завершились полным триумфом коммунистов, которые обеспечили победу своего лидера Воронина голосами только коммунистической фракции.

Молдова находилась на грани хаоса. Коммунисты подчеркивали свою лояльность Конституции и демократическим принципам, но поползновения на авторитарное правление отмечались уже в 2002 году. К концу первого воронинского срока ситуация кардинально изменилась. На основе общего стремления к интеграции с Европой коммунистам удалось наладить отношения с оппозицией, и прежде всего со своими крайними идейными антагонистами – христианскими демократами, сторонниками объединения с Румынией. Следующий парламента, в котором коммунисты сохранили большинство (хотя уже не в две трети голосов), снова избрал Воронина – на этот раз голосами и коммунистов, и национально-демократической оппозиции.

Итак, с одной стороны – торжество советско-коммунистической реакции, с другой – максимальное для стран СНГ приближение институциональной структуры к общедемократической модели. Чем можно объяснить такое «немыслимое», совершенно уникальное сочетание?

ЛОВУШКА НЕЗАВИСИМОСТИ

Первый фактор, обусловивший появление столь странного «вида», – внутренний, связанный с изначальными особенностями молдавского общества. Точнее, с имеющим не столь много аналогов в мире и беспрецедентным на постсоветском пространстве молдавским национальным самосознанием.

Исторически постсоветская Молдова – это Бессарабия, часть средневекового молдавского княжества, находившегося в зависимости от турок. В 1812 году она перешла под власть Российской империи в соответствии с Бухарестским мирным договором между Россией и Османской империей. В результате регион оказался оторван от интенсивных процессов национального и государственного строительства в основной части Молдовы и в соседнем с ней княжестве Валахии, которые привели к становлению единой румынской нации, объединению княжеств в 1859-м и возникновению независимого румынского государства в 1878 году. Во время российской Гражданской войны в Бессарабии возникает импровизированный парламент – Совет страны (Сфатул Цэрий, просуществовал с ноября 1917 г. по декабрь 1918 г.), который сначала провозглашает автономию в составе России, затем – независимость, а потом – объединение с Румынией.

Основную массу российских молдаван составляли неграмотные крестьяне с «донациональной» самоидентификацией. За недолгий период пребывания под властью Румынии большинство из них не приобрели полноценного румынского самосознания. В 1940-м они вошли в состав Советского Союза («вернулись в империю»), где создается Молдавская ССР и происходит конструирование особой молдавской социалистической нации, которая должна была максимально отличаться от румынской.

Молдаване, получившие образование уже в Советском Союзе, в основном действительно приобрели некоторое «советско-молдавское» самосознание. Они оказались полностью оторваны от Румынии, вместо латинского алфавита была введена кириллица. Но чем больше новая молдавская интеллигенция обращалась к культуре прошлого, тем более румынским становилось ее самосознание. Интеллигентский антикоммунистический протест, который во всех других республиках СССР порождал национализм титульного народа, обусловил самоотрицание молдавской нации, как сконструированной в советское время.

В ходе перестройки и строительства постсоветской Молдовы глубочайшие противоречия молдавского самосознания вышли наружу. Интеллигенция, в основном прорумынская, видевшая в Молдове искусственную советскую конструкцию и мечтающая о «возвращении в лоно Родины-матери», поначалу повела за собой общество. Но местная номенклатурная элита, стремившаяся, подобно всем элитам бывших республик Советского Союза, к независимости от Москвы, совершенно не хотела терять завоеванную власть и превращаться из руководителей суверенного государства в элиту румынской провинции.

В конечном итоге народные массы, опасаящиеся Румынии и измученные бурными революционными событиями, отворачиваются от интеллигентов-унионистов и начинают поддерживать номенклатуру (а затем, разочаровавшись в погрязшем в коррупции и склоках центре, голосуют за возрожденную компартию). Правы были молдавские унионисты, говорившие о том, что независимость – это ловушка: как ни трудно ее обрести, отказаться от нее еще сложнее.

Раскол в молдавском постсоветском обществе проходит не только по обычным – социальным и политическим – линиям размежевания. Есть «молдовенисты», выступающие за независимую Молдову. Во время борьбы с московским «центром» и «русскоязычными» они действовали на пару со сторонниками присоединения к Румынии. Но после распада СССР их главными врагами

стали бывшие союзники – те, кто служит «соседнему государству» (типичный молдавский эвфемизм) и готовит ликвидацию Молдовы.

Им оппонируют унионисты, видящие себя румынами, а других – «темной манкуртизированной массой», которой управляют люди, ставящие собственную выгоду выше интересов Родины, нации и культуры. И, конечно же, существует группа людей (большинство русскоязычных и часть молдаван) для которой идеалом является мифологизированный Советский Союз.

Такого раскола нет ни в одной другой постсоветской стране. Нигде в СНГ больше не найти и столь слабого (вследствие слабости национального самосознания) «номенклатурного центра». Только здесь есть большое, влиятельное, интеллигентное и идейно мотивированное меньшинство, убежденное в том, что их страна – историческое «недоразумение», которому надлежит исчезнуть с лица земли. Именно этот своеобразный молдавский раскол и был, на мой взгляд, важнейшим внутренним фактором, обусловившим уникальность молдавского политического развития.

Здесь невозможно сплочение элиты ни во имя государственного и национального строительства, ни даже ради недопущения коммунистов к власти, как это было в России. Гораздо больше, чем коммунистов, «молдовенистская» номенклатура опасается унионизма, а унионисты – консолидации молдавского государства на «молдовенистской» основе. Эта ситуация срывает попытки президентов сплотить общество по образцу других стран Содружества и способствует укреплению как демократических институтов, так и власти коммунистов.

Демократия в Молдове упрочивается не в силу психологической и культурной готовности к ней общества. В этом отношении молдавское общество мало отличается от российского или белорусского, что подтверждается самим фактом победы коммунистов. Усиление демократии в Молдове происходит как следствие невозможности авторитарной консолидации. Силы, которые вообще-то были бы рады уничтожить друг друга, понимают, что это невозможно, и постепенно вырабатывают «правила игры», обеспечивающие защиту от полного взаимоуничтожения.

ФАКТОР СРЕДЫ ОБИТАНИЯ

Выработка и утверждение этих «правил игры» вряд ли была бы возможна без воздействия извне, а именно со стороны Запада. Пример Запада, его идейное и непосредственно политическое влияние на посткоммунистические страны – основной фактор усиления демократии. Он также играет ключевую роль в сдерживании авторитарных тенденций, заставляя правителей прятать свой авторитаризм за демократическими одеждами.

Из-за слабости Молдовы Запад оказывал и оказывает на нее особенно сильное влияние. (В 1990-е республика полностью зависела от внешних займов, взятых в первую очередь у Международного валютного фонда.)

Стремление Запада к распространению демократии постоянно сталкивается с необходимостью поддерживать политическую и экономическую стабильность, сдерживать антизападные и антидемократические силы (раньше – коммунизм, теперь – исламизм). Это порождает пресловутые «двойные стандарты». В различных критических ситуациях Запад часто предпочитает авторитарную стабильность опасностям, которыми обычно чревата демократизация.

Но Молдова – бедная страна, не обладающая жизненно важными для западных экономик ресурсами. Это не Азербайджан или Казахстан, где неизбежный, во всяком случае на начальном этапе демократизации, хаос может сорвать поставки нефти и газа. Молдова – не страна Центральной Азии, где демократизация имеет шансы привести к власти исламистов, что может поднять волну фундаментализма, способную накрыть весь мусульманский мир. И это не Россия с ее ресурсами, географическим положением и атомным оружием, перспектива попадания которого в руки коммунистов заставляла Запад в 1993 и 1996 годах поддерживать Бориса Ельцина, строившего «управляемую демократию». Молдова никому не угрожает и никому особенно не нужна. Скорее всего, именно поэтому линия Запада в отношении Молдовы была более «принципиальной», чем где бы то ни было.

К молдавской «коммунистической опасности» Запад относился совершенно иначе, чем к российской. Он не поддержал проект конституционных реформ Петру Лучински, который гарантировал бы Молдову от прихода к власти коммунистов. А вот Владимиру Воронину Запад четко и недвусмысленно дал понять, что ему безразлична коммунистическая принадлежность молдавского президента, а важно лишь, чтобы тот соблюдал правовые нормы. И когда в 2002-м на фоне противостояния коммунистов и унионистов в Кишинёве шли нескончаемые митинги с требованием отставки президента и проведения новых выборов, Запад сыграл роль арбитра, вынудив Воронина отказаться от ряда сомнительно правовых мер, а оппозицию – от лозунгов неконституционной смены власти.

Чем дальше, тем больше Воронин понимал, что соблюдать «правила игры» выгоднее, чем нарушать, и что идея и политика европейской интеграции стабилизирует общество, смягчая молдовенистско-унионистское противостояние, и позволяет ему укрепить свою власть, не прибегая к авторитарным методам.

Как Россия могла бороться с этой западной ориентацией? Москва сделала ставку на приманку возвращения Приднестровья в состав Молдовы. Но она настолько не хотела выводить войска из непризнанной республики и так сильно стремилась гарантировать власть приднестровской верхушке в проектируемом «общем государстве», что приманка не сработала. Провал в 2003 году «плана Козака», вызвавшего новый всплеск унионистского протеста и недовольство Запада, еще более усилил европейский вектор политики Кишинева.

В 2005-м коммунистам пришлось пережить трудный период. Предельно ослабленная «молдовенистская» оппозиция, получившая поддержку в Москве, намеревалась обвинить их в фальсификации выборов и организовать молдавский вариант «цветной» революции. Воронин понимал, что большинство коммунистам обеспечено, но боялся неизбежных на выборах нарушений и поэтому не скупился на приглашения западных наблюдателей.

Те больших нарушений не обнаружили. Запад признал выборы честными, лидеры «цветных» революций Михаил Саакашвили и Виктор Ющенко поддержали Воронина. Единственная действительно антикоммунистическая сила – популярные в массах унионисты христианских демократов – отказались выступить вместе с «молдовенистами-антикоммунистами» из бывшей номенклатуры. Как сказал их лидер Юрий Рошка, «что поделать, если у господина Воронина и господина Рошки одно и то же желание – сделать Республику Молдова европейской страной». Таким образом, попытка антикоммунистической революции была сорвана.

ГЛАВНОЕ – ЧЕСТНОСТЬ

Будущее Молдовы как национального государства совершенно неясно. Страна может сохранить суверенитет, но существует также и вероятность ее объединения с Румынией, поскольку сейчас, похоже, унионизм снова на подъеме, а количество жителей Молдовы, получивших или желающих получить румынское гражданство, исчисляется сотнями тысяч. Но для молдавской демократии это не так уж и важно. Она укореняется, превращается в «единственную игру», становится прочнее, чем само государство.

В чем же «уроки» уникального молдавского развития? Не может же Россия, например, воспроизвести особенности молдавского самосознания...

Уникальное заставляет иначе взглянуть на «нормальное». Такой взгляд позволяет увидеть «нормальное» не как закономерное, а как часто встречающееся.

Случай Молдовы доказывает, что раскол общества по самым главным вопросам – не такое уж препятствие для демократии, а, напротив, может даже ей способствовать. Что победа коммунистов не только не означает автоматическую гибель демократии, но и может привести к ее укреплению. И что демократия, даже если в обществе нет для нее адекватной психологической базы, со временем сама себе ее создает.

Особые молдавские обстоятельства способствовали тому, что и молдавские «игроки», и Запад более последовательно, чем обычно, соблюдали «правила игры». Результат не так уж и плох. И возможно, самый главный урок Молдовы заключается в том, что очень часто честность – это действительно лучшая политика.

Молдавскую специфику нельзя перенести на другую почву, но принимать ее во внимание необходимо. Опыт Кишинёва может заставить другие правительства иначе реагировать в сходных ситуациях, увидеть в них скрытые, неочевидные возможности. Если приход коммунистов к власти в Молдове не вылился в катастрофу, то, может быть, ее не произошло бы и в России, победи в 1993 году парламент или Зюганов на выборах в 1996-м? Может быть, тот вариант развития, который тогда казался ужасным, напротив, быстрее привел бы нас к демократической цели?